

Маризтта ПАГИНЯН

В городе портиков

стых человека среди мировых сокровищ Лицео Музикале — автографов величайших композиторов мира. Вокруг них, в папках, хранились драгоценные ори-

ОТ ПАРМЫ до Болоньи поездом чуть больше часа, а настроение жителей и вся атмосфера города, — деловитого, дружелюбного, шумно-торопливого, — совершенно другие, не говоря уже о внешнем его облике. Этот внешний облик пытается определить каждый путеводитель на своем языке. Итальянцы (как и Гёте когда-то) называют его городом аркад, французы — городом колоннад, немцы, любящие точность, — городом «крытых проходов». Это — единственное место в Италии, чья архитектура сразу запоминается людям, даже совсем не искушенными в зодчестве, потому что она уникальна. В итальянских городах крытые тротуары встречаются довольно часто; но чтоб все тротуары во всем городе (за ничтожнейшим исключением!) оказались крытыми, словно каждый дом выходит на улицу портиком, — это видишь только лишь в Болонье. Пешеходу не страшно летом жары и солнца, зимой дождей и снега, он все время идет как бы под сплошным каменным зонтом, отгороженный от улицы непрерывным рядом колонн.

Как и в Парме, я остановилась в так называемом Жюлли-отеле, самом современном детище модного «народного капитализма»: предприниматели построили в разных городах (кроме некоторых центров, наиболее посещаемых туристами, — Флоренции, Рима, Неаполя, Венеции) ультра-новые здания с маленькими комфортабельными номерами и втянули весь свой персонал в их процветание. Мне рассказывали, что каждый служащий не то пайщик предприятия, не то получает премии и отчисления, — в общем, заинтересован материально в доброй славе этих гостиниц. Не знаю, насколько оно верно, могу только сказать, что в квадратиках Жюлли-отелей можно отлично поработать, принять душ и хорошо выспаться, а последнее в Италии для советского человека не так-то легко: после наших пружинных кроватей, неумеренных немецких пуховиков, чешских взбитых подушек, огромных французских «лож» — твердые и узкие итальянские постели с их совершенно плоскими и твердыми подушками — вещь, к которой не сразу привыкнешь.

Освоиться с Болоньей можно тотчас, даже не заглядывая в план. Как огромный компас, возвышаются на ее центральной площади две сестры-башни, высочайшая, Азинелли (около 100 метров), и поменьше, Гаризенда (около 49 метров). Они стоят, как две ноги Гулливера над станом лилипутов, ничем не разукрашенные и не увенчанные в своей прямолинейной неказистости, а как бы обрезанные ножом, — два длиннейших, узких, вытянутых неимоверно к небу ящика, но когда долго поживешь в Болонье, начинаешь любить их очевидное безобразие, любить вместе со всем коричнево-красным городом. Надо только приехать сюда не как турист, а с определенной деловой задачей, и если нужное вам учреждение в центре, две сестры-башни становятся вашими надежными указателями, а видимый наклон Гаризенды (падающая башня) воспринимается вами, как поклон.

Работа моя была в Лицео Музикале имени падре Мартини — самой знаменитой музыкальной библиотеке всего мира.

Задолго до Болоньи и уже спустя много дней после нее мне пришлось немало поработать и в других библиотеках и оценить драгоценную возможность чувствовать себя в итальянском городе рабочим человеком. Рано утром в Венеции я с местными служащими и рабочими поджидала пароходика-трамвая на остров Сан-Джорджо, и вот уже шумела зеленая волна под бортом, свистел ветер, донося с того берега певучий звук колокола, и мы причаливали прямо к дверям великолепного здания Фондационе Чини. Там находилась нужная мне библиотека с драгоценным собранием старых либретто, принадлежавшим когда-то Роланди. Я уже свылась с тем, что на Западе частные собрания, входящие в библиотеки, сохраняют имена своих прежних дарителей или продавцов и так и входят в каталоги, помеченные этими именами. Свыклась и с тем, что в итальянских музыкальных библиотеках почти всюду (за малым исключением Пармы и Флоренции) директорами их были женщины. Встреча с ученой итальянкой, подчас очень молодой или молодой, блестяще владеющей французским языком, прекрасно знающей состав своей библиотеки (или архива), в кругу помощников, тоже почти всегда женщин, — вот одно из самых приятных для меня итальянских впечатлений. В Венеции, например, я работала с синьорой Риттой Казагранде. Рабочий день в библиотеках короток. Зимний день тоже. За зеркальными окнами тихого кабинета, окруженного до потолка полками с манускриптами, угасал перламутровый венецианский закат. А мне разрешали почти одной засиживаться и засиживаться, и синьора Казагранде засиживалась вместе со мной.

То же самое было и в Милане, в большой городской библиотеке Ля Бре-ра. Все четыре главных действующих лица этой обширнейшей, находящейся возле знаменитого музея, библиотеки были женщинами: директриса (профессор и доктор) Эмма Коген-Пирани; вице-директриса доктор Ванда Монтаниро, две библиотечарши — Эдуарда Мози и милая, маленькая, сразу заинтересовавшаяся моими поисками, словно это было ее личное дело, — Мафальда Сангалли. Замечательна оперативность этих библиотек. Чтоб получить у нас очень старое или очень редкое издание, надо немало помучиться и прождать по меньшей мере сутки. В Милане мне понадобилось издание уникальное — знаменитый журнал XVIII века, называемый «Каффе», где передовые мыслители своего времени, братья Пьетро и Алессандро Верри, Чезаре Беккариа и многие другие, члены масонской ложи, друзья французских энциклопедистов, корреспонденты Д'Аламбера и Дидро и поклонники Вольтера, — подобно нашему Новикову с его журналами, — помещали

самые смелые критические статьи. И вот драгоценные два тома, издания поистине уникальные, были разложены передо мной ровно через две минуты после их заказа. И что еще интересно: узнав мою тему и каким ничтожным временем я располагаю, ученые итальянские библиотечарши сразу же устраивали меня за столиком и за книгами, а «оформление» приходило гораздо позже и так, что я его даже не замечала: отстукивалось заявление о целях и предмете работы моей, и я на нем только расписывалась, потом наклеивалась марка, ставился штемпель, и копия вручалась мне, как обыкновенной читательнице библиотеки. Вообще надо сказать одно: в бюрократизме и волоките я нигде и никогда не могла обвинить ни одного итальянца, с которым пришлось за эти два месяца иметь дело.

Еще случай, о котором следовало бы задуматься некоторым нашим редакторам. Есть в Италии внушительная многотомная «Энциклопедия делло Спеттаколо». В ней собрано все, что относится к искусству и особенно театральному. Участники ее — авторитетные ученые. Но в одной из специальных статей на нужную мне тему (все тот же восемнадцатый век!) я нашла имя, которое могло попасть в нее только по ошибке. Еще из Москвы я снеслась с автором, и он мне ответил, что «в грехе не повинен», — имя было вписано без его ведома самой редакцией. Тогда, будучи в Риме, я решила отправиться в эту редакцию, чтоб найти корень и причину ошибки. Был последний день моего пребывания в Риме. В памяти моей еще стояли, во всей их свежести, исхоженные вдоль и поперек города Италии; улицы их, как и римские, по доброму совету Тараса Шевченко, рекомендовавшему «щупать землю ногами», я действительно успела основательно «перешагнуть ногами». Но в последний день, на площади Езедра, ко мне подошел самый обыкновенный извозчик (веттурино) и предложил — как до революции предлагали извозчики московские — «мигом домчать» куда надо. Он поторговался о цене, махнув рукой на помещенный рядом с облучком счетчик, похожий на счетчики такси, — и я, неожиданно для себя, взгромоздилась на высокую извозчицую пролетку и важно проехала по главной улице Рима, во второй половине XX века, — на самом обыкновенном извозчицком «Ваньке». У дворца Дориа, где помещалась Энциклопедия, среди десятка элегантных машин пегая лошадка остановилась, я слезла и расплатилась с моим извозчиком. Время наступало обеденное, но редактор музыкального отдела, любезнейшая молодая докторша Луиза Павелини, тотчас приняла меня. Была нажата кнопка, еще одна синьора принесла папку с «делом», и было установлено по рукописи, что вышеупомянутое имя во все не внесено редакцией, а уже стояло в авторской статье, — старый ученый просто забыл об этом. Казалось бы, дело сделано. Однако доктор Павелини, разговорившись со мной о теме моей работы, заинтересовалась сама, откуда могло попасться старому ученому неверное имя. Она перебрала тут же несколько других энциклопедий и каталогов последнего года, и в одном из них, «Универсальном словаре опер» Умберто Монферрари (1955 г., Флоренция), нашла ту же самую ошибку, — имя, которое по всем данным истории и хронологии стоять там не могло. И Луиза Павелини, забыв об обеде (почти невозможный случай на Западе), тут же при мне написала письмо к Монферра-

ри во Флоренцию с вопросом, откуда и почему он поместил имя, исторически никак не соответствующее месту. Письмо было написано от имени редакции Энциклопедии, со всеми нужными печатями и подписями, а мне было обещано тотчас же переслать ответ Монферрари по моему московскому адресу. Я знаю, что на этом дело не остановится. Когда обе стороны заинтересованы, во-первых, в том, чтобы оказать услугу самому делу, во-вторых, в том, чтоб помочь в порядке любезности друг другу, — корень ошибки наверняка будет раскрыт, и ошибка исправлена.

Но я опять далеко-далеко ушла от милой Болоньи. Уж наверное бургомистр Болоньи, очень известный в Италии член компартии, часто поминается добром в этом городе, и своими, и приезжими. Именно здесь, в центре непрерывного уличного движения, легко переходить улицы благодаря удобнейшему «соттопассажджо», снабженному, кстати сказать, всеми нужными для приезжего удобствами. Приводит этот подземный переход на четыре основных городских артерий. Одну из них, улицу Уго Басси, я вспоминаю с особой благодарностью. В Италии лучшей кухней считается тосканская. Когда в Вероне хозяин маленького бара захотел вывесить рекламу, он написал, что тут кормят по-тоскански. Но ни тосканская, ни венецианская, ни римская, никакая другая (изрядно в конце надоедающие своей приностью) не пришлось мне по душе так, как рабочая «самообслуга» (сельфсёрвис), устроенная совсем по-московски на улице Уго Басси. Дешевая и свежая еда за столиками, быстро, с какой можно ее получить, разнообразие и, главное, что-то по настоящему демократичное сделали этот ресторан воистину самым удобным в Италии. Возвращаясь домой из Лицео Музикале, я всегда сворачивала на Уго Басси; и, неся оттуда домой на ужин неизменную югурту (итальянскую простоквашу), часто ловила себя на мысли, что вот так же возвращаешься зимой, поработав, к себе из Ленинской библиотеки.

Лицео Музикале — учреждение с мировой славой; приди туда в первый раз, я не без робости предъявила свой докторский билет. Но пока мы с неизменной синьорой-директором обменивались французскими фразами, над моим ухом раздалась вдруг чистейшая русская речь. Высокий, плотный мужчина с мягким, большим лицом славянского типа и самой благодушной русской улыбкой поманил меня за собой, поскольку я, оказывается, хотела попасть не вообще в библиотеку, а в его, музыкальный, департамент. Это был главный «библиотекари» отдела Наполеон Артурович Фанти. С ним и его помощницей, коммунисткой Альдиной Валентиновой Филиппи, мы провели долгие часы за всевозможными фолиантами. Судьба Наполеона Фанти — это целый роман. Его предок, итальянский солдат, пришел с армией Наполеона в Россию и застрял в России навсегда, женился на русской, сохранив, однако, свое итальянское подданство, и передавал из рода в род — в память 12-го года — потомкам своим имя «Наполеон». Потом, уже в наше время, маленького Наполеона во время первой мировой войны родители вывезли в Литву, а из Литвы, уже взрослым, он вернулся в Италию и остался работать в библиотеке. Друг и помощница его страстно хотят своими глазами взглянуть на Россию, старательно выговаривает по-русски «спасибо» и «до свиданья»... И такими своими, бесконечно милыми, показались мне эти два одиноких, про-

гиналы, почтительно поминаемые в каталогах. А «последний» Наполеон с детской гордостью вынул из своего ящика свежие номера «Советской музыки» и «Литературной газеты» и показал мне прочитанные им статьи. Я приехала в далекую Болонью, чтоб взглянуть на пожелтевшие письма чешского композитора Йозефа Мысливечка, адресованные крупнейшему музыкальному теоретику XVIII века падре Джамбаттиста Мартини. А главный «библиотекари» мирового музея сказал мне с гордостью: «Вы знаете, чей у нас есть автограф? Арам Хачатурян прислал нам свой неоконченный романс... И если бы, — если бы еще Дмитрий Шостакович добавил бы хоть полстранички своей какой-нибудь рукописи к этому щедрому дару!»

Удивительная вещь дружба. Мы дуем, например, что ее можно заполнить, как адрес в записную книжку, — за банкетным столом, на митинге, на конгрессе, на фестивале... Но настоящая, подлинная дружба может родиться за одним-единственным столом в мире, — за рабочим столом, — и у людей, занятых общим трудом, интересным и дорогим для каждого из них.

БОЛОНЬЯ